

Чужая беда

Семён Маркович плохо себя чувствовал с самого утра. Странно кружилась голова и в глазах нет-нет, да и плыла какая-то муть. Он, конечно, надеялся вообще не проснуться, но противный организм умирать категорически не собирался. А Сонечки вот нет с ним...

В очереди у кассы супермаркета уже собралось несколько человек, женщину вот задерживает, занервничал Семён Маркович.

Женщина – взрослая, ухоженная и даже красивая, стояла совершенно спокойно. Дочка попросила прихватить соевого молока, вот она и зашла. Лёгкая улыбка с горчинкой тронула красивые губы. Себе-то не ври, домой идти тебе не хотелось. В последнее время дома стало очень неуютно. Нет, уют и интерьер они создали первоклассные, деньги заработали, квартиру шикарную купили... А вот общаться перестали. А ведь раньше им всегда с Беном было весело вместе, вон как той молодой парочке, что за ней чирикают.

Лохматый фрондёр с трогательной детской жилкой на шее нежно обнимал свою пассию. Девчушка была бы хороша, но очень уж зачернила себе всё, куда только достала. Чёрные тени вокруг глаз, то ли смоки айз, то ли макияж размазался, чёрные ногти, губы, волосы, висок выбрит. Революционный протест так сказать. Но влюблённому это не мешало, он смотрел на неё не отрываясь, отщипывал ей свежий багет, и в глазах его сверкали звёзды.

Нет, ну что за ерунда. И людей в магазине нет, и в кассу очередь. Очень деловой дяденька с папкой, кефиром и булочками оказался последним, и вздыхал раздражённо, и торопился, и нервничал.

Всё это Семён Маркович углядел каким-то боковым зрением, по старой армейской привычке. Разведчик. А вот руки не слушались, он путался в змейке старенького кошелька, перекалывал монетки, и никак не мог сосредоточиться.

Кассирша прикрикнула на старого пня, ходят тут целый день, пыхтят, людей задерживают.

Семён заторопился уходить, бог с ним, с хлебом этим, всё равно сегодня только дорогой очень, из цельно какой-то там муки. На таком разоришься, он горько ухмыльнулся.

Жить они с Сонечкой вынуждены были очень скромно. Бедненько даже. Получали от государства немного, да и на том спасибо, старики, иждивенцы. Но вот квартирка их в последнее время сильно прохудилась – то кран потечёт, то труба лопнет. Расходы. Самому ему уже было не под силу, девятый десяток разменял как-никак. А Сонечка вот не дождала...

Семён и Соня познакомились во время войны. Соня была совсем ещё девчонкой, приписала себе два года, иначе её бы не призвали. Она была медсестрой, сестричкой, без страха ползала по полям боя, тащила на себе, выносила раненых, обычное дело.

Семён был разведчиком. Уже в самом конце войны, без сознания оказался в плену. Без документов, за линию фронта ведь их с собой не брали, вся группа погибла. Кто его вынес – не знал даже, и как в плен попал. А что еврей – так немцы не увидели, не похож. Да и не до того было. А когда лагерь освобождали, он уже совсем плох был, помирал совсем. Вот Сонечка его и спасла, выходила, а ещё и документы умершего паренька подложила. Ведь после плена пропал бы. Уменьшечка она была, его Сонечка.

Детей у них не было, не дал Б-г. Надорвалась его Сонечка на полях то. Жили очень скромно, работали, а в Израиль засобирались уже в семидесятых, когда Сонечке нехороший диагноз по-

ставили. Очень волновались из-за документов, ночей не спали. Но вылечить могли только в Израиле. Вот и поехали.

Всю жизнь боялись. Поэтому и по инстанциям никогда не ходили. В первые годы в эмиграции тоже не сладко было. Сонечку вылечили, а вот к выжившим в Катастрофе отношение было двойным. Как это ни странно звучит, но многие героями их здесь в те годы не считали. Да и „русских” сильно недолго любили. Что и вспоминать, тяжёлую они прожили жизнь...

А уж после того, как Сонечки не стало, дни его потекли серо и однообразно... На хлеб с молоком кое-как хватало, а много ли ему старику надо.

Старик у кассы, наконец, перестал вынимать свои сиротливые монетки, виновато улыбнулся, шепча извинения и, как-то боком стал оседать на пол.

Первой подлетела к нему та самая красивая женщина из очереди, подхватила, подняла голову. А тут уж подросли и остальные. Парень-фрондёр уже скатывал свою кожанку, подложить под голову, девушка его вызывала скорую, толстый дяденька махал шляпой – воздух создавал.

Вот ведь как. Маленькая, часто вредная, но очень гордая страна, в которую „понаехали тут”, а чужого горя в ней не бывает...

И пока ухаживали за дедушкой, договаривались с парамедиками, спасали и помогали – сроднилась, что ли. Улыбки стали сердечнее, а глаза внимательнее.

Ася, как врач в первую очередь, руководила операцией по спасению. К приезду скорой дедушке стало получше, таблеточки оказались в кармане, а принять он их позабыл. Ася записала данные „скорой” и дедушки, и по привычке всё доводить до конца, перезвонила на следующий день.

Дедушка чувствовал себя хорошо, его можно было забирать домой. Забирать, понятное дело, было некому.

Ася сама отвезла Семёна Марковича домой. Как и почему этот интеллигентный дедушка запал ей в сердце она и сама не знала. Войдя в квартиру, Ася ужаснулась. Старенький тазик посреди кухни, в который капала вода с потолка, окончательно лишил её покоя. Целый день у неё перед глазами стояла картина – одинокий немощный старик в полуразрушенной квартире.

Вечером следующего дня Ася решительно постучалась в дверь Семёна Марковича. Её не слышали, но в доме разговаривали и даже смеялись. Молодая женщина вошла и обомлела. Семён Маркович довольный и весёлый восседал в кресле. А на полу, прямо перед ним, восседали влюблённые из магазина – сладкая парочка. И похожи они были на загнипнотизированных удавом Каа бандерлогов, из мультика про Маугли. Они не отрываясь смотрели на старого солдата. Проведать вот зашли...

– Асенька, милая, проходите, пожалуйста!

Семён Маркович попытался по-джентельменски уступить ей единственное кресло....

Ремонт затеяли сначала своими силами. Косметический. Стены там покрасить, кран в кухне поменять... Но старинный дом только этого и дожидался. Всё начало сыпаться и крошиться, и ремонт превратился в снежный ком – легка беда начало.

Семён Маркович протестовал и пытался объяснить, что ему ничего не надо, но ... Вместе с тем, он уже давно не испытывал такого душевного подъёма. С одной стороны ему было страшно неудобно, а с другой – в жизни вдруг возникло столько приятных событий.

Бандерлоги работали вместе с Асей не покладая рук. Носили мусор, скребли и дряли. Дяденька в шляпе, тот самый из магазина, живёт на соседней улице, оказался не плохим штукатуром. Шпаклёвку и краску купил сам, за свои деньги. Работал неторопливо, но обстоятельно.

А в один из таких „ленинских” субботников, как раз во вторник, в коридоре из шума и грохота вдруг нарисовался Асин Бени.

– Алё, строители! Ну, что вы тут уже натворили?!

Не может быть! Ася даже головой потрясла. Нет, конечно, она ему рассказала, по привычке, про дедушку, и ремонт... Но она была уверена, что муж едва ли её расслышал. Слишком занят он был в последнее время. И всё реже и реже они делились важным.

– Так! Йоси, ты там записывай, не спи...

Бен уже много лет руководил большим предприятием айтишников. Ходил в костюмах и хороших рубашках. А тут вдруг закатил рукава и полез заглядывать под кровать и тумбочки – проверять сырость и электрическую проводку. А ведь когда-то всё умел, и руки были золотые. Он кричал из-под кровати что и где нужно, а Йоси, его заместитель, всё аккуратно записывал. Чтоб ничего не упустить.

Бен кинул в своей крутой фирме клич: „Все на помощь!” Так, мол, и так. Ветеран. Одинокий. Нужно помочь.

И Ася объявила у себя на работе. И дяденька в шляпе. И юные бандерлоги в Инстаграмме.

Первыми подтянулись ребята из отдела обслуживания: тем стены покрасить и двери поменять – минутное дело. Дверь нашлась на складе. Окна и рамы привёз племянник начальника отдела – у него своя мастерская по алюминию. Клиенты товар не забрали, а дедушке пригодился. Пусть Б-г хранит ветерана, низкий ему поклон. Соседи кафельную плитку принесли: после ремонта излишек, в аккурат на одну комнату. И пошло...

Кухонные шкафчики уже незнакомые совсем люди привозили. Откуда узнали?! Шкафчики Бен и мальчик-бандерлог устанавливали сами. Так потихонечку, всем миром...

А главное – Ася помолодела и похорошела очень, отпуск в своей больнице взяла. Сто лет не брала, а тут вдруг решила. Бен мчал к ней в эту старенькую тель-авивскую квартиру, помогал и мастерил, строил и закреплял. Летел на всех парах, будто и не было этих тридцати лет. И отчуждения... И смотрел во все глаза, и ляпал на неё краской, специально, чтобы она ему в ответ ляпнула обязательно. И даже поцеловал на бегу. Два раза.

Бандерлоги как-то повзрослели и остепенились. Они приехали в страну детьми, по программе, из разных городов, да и из стран разных. Общим было несчастье родиться в семье, где ты никому не нужен. Девочка стёрла все свои чёрные разводы, и под ними оказалась славненькой милой Машенькой из сказки. С веснушками. А вихрастый фрондёр так уставал на восстановительных работах, что сил на протест у него уже просто не было. Они оба, маленькие и несчастные дети, недолюбленные и не балованные вовсе, обожали друг друга. И дедушку этого, неожиданно открывшего им самое главное понимание в жизни, заобожали вдруг тоже...

А сам Семён Маркович всё чаще посматривал на них, всеми брошенных, бормотал что-то, и на свои облагороженные уже хоромы.... Что задумал?!

Дяденька с кефиром оказался классным мужиком. Они резались с Семёном в шахматы вечерами и спорили на политические темы. Интеллигентно и уважительно. А ещё сосед случайно ока-

зался служащим в отделе национального страхования. Пенсию и пособия по старости дедушке Семёну оформили как полагается.

А неугомонная молодёжь полезла-таки в Интернет, архивы и музеи боевой славы. Эти ж ничего не боятся, да и что они могут знать о прошлом. Долгие месяцы, сотни меилов и отказов. А вот взяли и восстановили дедушке настоящие документы и его честное героическое имя. И награды, которые посмертно.

– Ась, ...ты это... обороты сильно не набирай! – орал смеясь Бен, прилаживая новый кран на обновлённой кухне. – Я же тебя знаю, тебе только дай волю, и я через месяц буду с тобой в Зимбабве дома восстанавливать...

Полетевшее в него полотенце парусом вздулось на новой оконной раме. Алым парусом Ассоль, которая дождалась своего Грея.

На улице пререкались зеленщик и хозяин маленькой пекарни. Орала вездесущие дети. Сигналили недовольные машины...

А в квартире старого солдата пересекались разные судьбы, преломились законы физики и вселенной, изменили маршрут, да и помчали дальше по совершенно новому пути. Потому, что в этой стране чужих бед не бывает...

Алёна БАСКИН.

Иллюстрация - Евгения Белякова

